

Как бы то ни было, Михаил Иванович совершил одно благое дело. Будучи сыном сельского старорусского священника, именно он присоветовал Достоевским проводить летние месяцы в Старой Руссе: детям полезны соляные ванны. Полезны они и дамам. Наконец-то «обитель дальная трудов и чистых нег» была обретена.

Конечно, Старая Русса – не Достоево и не Даровое: ее трудно причислить к разряду родовых гнезд. Однако «аура присутствия» в сильнейшей степени осеняет это скупое пространство. И не только потому, что Скотопригоньевск последнего романа вобрал в себя природу и топографию места.

Старая Русса – единственная точка на карте России, выбранная свободным сердцем художника. Москва – это место рождения, назначенное судьбой. Петербург – город, куда он был отдан в учение и который приковал его к себе цепями работы и долга. Омск и Семипалатинск – там он оказался отнюдь не по собственной воле. И лишь Старая Русса – вольный выбор его души, пусть и сделанный не без подсказки здешнего уроженца.

Глава 4

БРАТЯ И СЕСТРЫ

«Шел племянник мой Карепин...» (Сестра Варвара)

В семье Достоевских были по меньшей мере две насильственных смерти.

Одна – в 1839-м (если Михаил Андреевич был-таки убит) и вторая – с переменой местами двух последних цифр – в 1893-м. Причем, как и убийство отца, смерть сестры Достоевского, семидесятилетней Варвары Михайловны, первоначально квалифицируется в качестве несчастного случая – хотя и прискорбного, но не имеющего криминального оттенка.

21 января 1893 г. обезображенный пламенем и все еще тлеющий труп находят в пятикомнатной квартире ее собственного московского дома: там Варвара Михайловна в полном одиночестве проживала последние годы. Полиция приходит к заключению – и информация об этом попадает в газеты, – что причиной пожара стала лопнувшая керосиновая лампа: пламя мгновенно охватило несчастную жертву.

В семейной хронике Достоевских отмечен подобный случай. В 1855 г. тетка писателя Е.Ф. Ставровская, будучи на девятом месяце беременности и находясь в церкви, фактически сгорела заживо: платье на ней вспыхнуло от церковной свечи. Ее не смогли спасти. Что ж говорить о Варваре Михайловне – дело происходило без свидетелей.

Выяснилось, однако, что это убийство. Карепина была задушена дворником и его подручным: само собой, они польстились на деньги покойной. Труп облили керосином и подожгли. Местным Порфириям Петровичам, видимо, не составляло труда обнаружить весьма неискусно сокрытую истину.

Конечно, велик соблазн соотнести происшествие с сюжетом «Преступления и наказания». Тем более что Любовь Федоровна настоятельно подчеркивает патологическую скупость сестры своего отца и даже именуется в этой связи «бедной помешанной». Однако эти уверения опровергаются другими свидетельствами, более положительными (разумеется, не в плане моральных оценок, а лишь по степени достоверности). Брат Андрей Михайлович, который по смерти Ф.М. Достоевского как бы принял на себя миссию хранителя общей фамильной чести, публично выступает в защиту старшей сестры. Он утверждает, что, жестоко стесняя себя буквально во всем, Варвара Михайловна никогда не отказывала в помощи своим близким – в частности, содержала многочисленное семейство дочери. «Настоящая московская тетушка», она любила потчевать родственников и гос-